

ББК 60.723.3

*В.Ю. Рабинович***Евреи и поляки в дореволюционном Иркутске:
«переселенцы» в переселенческом обществе***V.Yu. Rabinovich***The Jews and the Poles:
Immigrants in the Immigrant Community**

Во многих населенных пунктах Восточной Сибири уже в 60–70-е гг. XIX столетия существовали многочисленные устойчивые колонии евреев, «кавказцев», поляков и не столь многочисленные – китайцев и корейцев. Эти общины формировались в разное время и под влиянием разных факторов. При общей очевидной ограниченности и неопределенности правового статуса меньшинств отношение официальных структур к ним было неодинаковым. История сибирских евреев и поляков как двух наиболее заметных пришлых групп в дореволюционном Иркутске наглядно иллюстрирует данный тезис.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Иркутск, диаспора, этническое меньшинство, принимающее общество, евреи, поляки, «чуждость».

Во многих населенных пунктах Восточной Сибири уже в 60–70-е гг. XIX столетия существовали многочисленные устойчивые колонии евреев, «кавказцев», поляков, и не столь многочисленные – китайцев и корейцев. Эти общины формировались в разное время и под влиянием разных факторов. При общей ограниченности и неопределенности правового статуса меньшинств отношение официальных структур к ним было неодинаковым: если поляки рассматривались как «почти» привилегированное сословие, то отношение к евреям определялось массой субъективных факторов, не всегда имеющих правовое обоснование. В то же время отношение к китайцам и корейцам, не являвшимся подданными Российской империи, вообще долгое время не было сформулировано и определялось в конечном итоге волюнтаристически. История сибирских евреев и поляков как двух наиболее заметных пришлых групп в дореволюционном Иркутске наглядно иллюстрирует данный тезис.

Евреи оказались одной из самых заметных этнических групп региона. Первые иудеи попадают в Восточную Сибирь в конце XVIII в. К 1820-м гг. устойчивые еврейские поселения существовали в Зиме, Тельме, Кимельтее, Кутулике, Куйтуне и других населенных пунктах губернии. Однако в 1837 г. вводится правовой запрет не только на приезд, но и на проживание иудеев в Сибири. Складывается парадоксальная ситуация: иудеев в крае быть не должно, но они есть, и их численность постоянно возрастает. Сам факт вве-

In 60–70s of the XIXth century many territories of Eastern Siberia were already inhabited by numerous sustained colonies of Jews, Caucasians, Poles, and by sparse settlements of Chinese and Koreans. Those communities had been forming in different periods under the influence of different factors. Though the legal status of minorities was restricted and indeterminate, the official powers behaviour towards them was unequal. The history of Jews and Poles, that were the most notable two immigrant groups in pre-Revolutionary Irkutsk, demonstrates this thesis.

Key words: Eastern Siberia, Irkutsk, diaspora, ethnic minority, receiving society, Jews, Poles, «foreignness».

дения данного запрета изначально выводил евреев за пределы легального правового поля, противопоставляя их остальному сообществу. Правовой казус, существовавший вплоть до 1917 г., наложил весьма заметный отпечаток на положение сибирских евреев и их взаимодействие как с властями, так и с другими слоями местного общества.

Основными источниками формирования колонии стали ссылка и каторга, естественный прирост населения; самовольное, часто нелегальное водворение в регионе и внутрисибирские миграции. В Сибири могли водворяться некоторые привилегированные категории российских евреев, члены их семей и потомки, имеющие право повсеместного жительства (купцы, кантонисты и николаевские солдаты, механики, врачи и медицинские работники, выпускники высших учебных заведений и др.); военные беженцы в годы мировой войны. Заметим, что внутри колонии в результате формировались группы, имеющие разные права и привилегии, по-разному мотивирующие взаимоотношения с принимающим социумом, имеющие разные психологические установки.

На рубеже XIX–XX вв. иудеи составляли 7–10% постоянного населения Иркутска, став второй по численности этнической и третьей конфессиональной группой в городе. При этом в Иркутске проживала почти половина евреев Иркутской губернии. Колония, несмотря на действовавшие правовые ограничения, была экономически активна и играла весьма заметную

роль в хозяйственной жизни региона. Представители общины контролировали четверть всего товарооборота региона, выплачивали в иркутскую казну до 20% всех налоговых поступлений и составляли значительную часть цензового купечества. Сферой специализации сибирских евреев стала торговля во всех ее видах и проявлениях, посредничество, некоторые виды ремесел, свободные профессии. Число евреев, занятых в промышленности и торговле, много превышало их долю в обществе. По данным переписи 1897 г., в отраслях рыночной инфраструктуры (общая служба, свободные профессии, ремесленное и кустарное производство, обозначенное в переписи как промышленность, торговля) было занято почти 85% иркутских евреев [1].

Выбор подобной экономической ниши стал во многом вынужденным. Действующие правовые запреты полностью или частично закрыли для российских иудеев основные государственные и «общественно важные» отрасли экономики: сельское хозяйство, горнодобывающую промышленность, военную службу, полицию, обучение в специальных и высших учебных заведениях, государственную службу. Найденная специализация оказалась единственно возможной и из-за специфики края. Вместе с тем она обеспечивала предпринимателям быстрый достаток и благосостояние, включенность в общественные структуры, надежные связи с представителями самых разных сословных групп, что, в свою очередь, являлось одним из обязательных условий стабильности и безопасности этнического сообщества.

В годы Гражданской войны состав колонии значительно изменился. Внушительное число местных иудеев эмигрировали в Харбин, а их место заняли новые поселенцы. Представляется, что в этот период произошло почти полное обновление колонии.

Не менее заметной этнической группой в крае были поляки. В конце XIX в. в Иркутской губернии проживало около 4000 поляков, примерно четверть из них выбрали местом своего жительства Иркутск. Абсолютное большинство сибирских поляков попадают в край как участники национальных восстаний (две волны 1830-х и 1860-х гг.). Одновременное появление в сравнительно плохо заселенном регионе большого числа образованных людей не могло не оказать воздействия на общую ситуацию в крае, включая и формирование демографической структуры населения Восточной Сибири и общественно-культурных традиций. Другая волна переселений связывается со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали и столыпинской колонизацией, открывшим путь в Сибирь как крестьянам, так и специалистам-интеллигентам.

Не стоит забывать и о том, что поляки в Российской империи имели возможность служить в армии и занимать должности (в том числе и высокие) на

государственной службе. Это видно и на примере профессиональной занятости иркутян-поляков, которые, в отличие от остальных этноконфессиональных меньшинств, были представлены в абсолютном большинстве профессиональных категорий. Примечательно, что почти во всех профессиях доля занятых в них поляков примерно совпадала с их относительной численностью в иркутском обществе. В отличие от других некоренных этнических групп Восточной Сибири, в польской колонии складывается достаточно стройная профессионально-сословная структура, лишенная каких-либо гипертрофированных перекосов. В этом свете характерно и совпадение долей участия в той или иной отрасли иркутян-поляков и иркутян-русских.

Ярко выраженной экономической специализации польская колония не имела. Наиболее заметны в крае были польские интеллигенты, представители свободных профессий и поляки-приказчики. В отраслях рыночной инфраструктуры было задействовано примерно 72% членов колонии. Гораздо более заметно по сравнению с еврейской колонией участие поляков в общей службе и свободных профессиях, а также в частной службе и поденных работах. Почти 70% членов региональной колонии проживали в деревнях, занимаясь преимущественно крестьянским трудом [1]. Эта часть диаспоры еще более усилилась из-за притока крестьян-переселенцев в начале XX в.

Несмотря на это поляки сохраняли определенную изолированность от окружающего общества, причем эта замкнутость носила не только традиционный социокультурный характер, но прежде всего была сформирована идеологическими и политическими причинами. Многие поляки рассматривали Сибирь как место своего временного пребывания, связывая идеал счастливого будущего с возвращением на родину.

В постреволюционные годы, в результате массового перемещения поляков за пределы России, состав иркутской колонии сменился.

Отметим, что еще дореволюционная историография отмечала заметное участие меньшинств в хозяйственной и общественной жизни региона, наличие устойчивых разносторонних связей с окружающим обществом. Например, превращение Иркутска в столицу огромного региона напрямую связывалось с массовой ссылкой польских революционеров в 30-е гг. XIX столетия, а экономические успехи – с деятельностью предпринимателей-иудеев [2; 3, с. 236–240].

Попадая в новое окружение, евреи и поляки (как и «кавказцы» с китайцами, хотя и в меньшей степени) приобретали новые культурные и идентичностные характеристики. В определенном смысле мы можем даже говорить о появлении новых этнокультурных образований, если угодно – новых «генераций» этих диаспор в России. «Сибиряки» – представители разных этносов – иначе одевались, говорили, думали

и действовали, нежели их соплеменники в других частях империи.

Анализ сибирского переселенческого сообщества должен учитывать существование взаимных проекций и иерархии отношений между «коренным» и «малыми» этносами, наличие официальных запретов и всякого рода табу, влияющих на функционирование этого общества, особенно на его социально-экономическую составляющую. Представители большинства меньшинств не допускались в определенные экономические сферы, в то время как какие-то «рыночные специализации» считались недостойными этнического большинства. Эти ниши часто заполнялись представителями меньшинств.

В этой логике может быть осмыслено и социально-экономическое функционирование сибирского переселенческого общества, изначально формировавшегося как конгломерат полностью или частично замыкающихся в себе этнических, религиозных, сословных, земляческих или профессиональных групп. К началу XX в. значительное число представителей локальных этнических колоний уже были сибиряками по рождению. По сообщениям многих современников, для них становится привычным определять себя в первую очередь как сибиряков, а уже затем как евреев и/или иудеев, поляков и/или католиков. Формируется новая идентичность, которая по-разному взаимодействует с этнической и конфессиональной идентичностью представителей различных локальных диаспор.

В случае поляков и евреев популярности «сибирской» идентичности способствовали национальные просветительские традиции, сторонники которых, по очевидным причинам, в Сибири преобладали. Нельзя сбрасывать со счетов и высокий образовательный уровень членов диаспор. По данным переписи 1897 г., число грамотных среди иркутян-православных составляло 45,6%, среди иудеев – 48,8%, среди католиков доходило до 70,4% [1]. Для большинства представителей иркутских национальных диаспор преобладающими идентичностями была территориальная и этническая, а уже затем – идентичность конфессиональная. Последний вывод широко подтверждается сообщениями современников, неоднократно отмечавших изменение роли религии и уменьшение ее значимости для сибирских иудеев и католиков.

Профессиональная идентичность не являлась в Сибири диаспоральным признаком (что отчасти вступает в противоречие с представлением о предпринимательских этносах как о «народах-функциях»). Способствовала тому хозяйственная система региона, а также специфика правового регулирования положения того или иного члена той или иной этнической общины. Оно зависело не только от периодически меняющегося общего подхода администрации к решению конкретного «национального вопроса», но и от правовых оснований пребывания в Сибири каждого

конкретного лица. Последний фактор определял круг социального общения и общественные возможности члена диаспоры, пути и способы его адаптации в принимающем обществе, а также реальные возможности социально-политической и экономической деятельности.

Заметим, что необходимость выживания в иноэтническом сообществе, необходимость сохранения собственной самобытности часто подталкивает представителей малого этноса к созданию замкнутой этнической общины. Границы таких общин гарантируются обеими этническими группами (меньшинством и основным населением), а их проницаемость определяется многими факторами – политическими, культурными, религиозными и проч. Однако в Иркутске мы не находим полностью изолированных этнических общин, что вообще характеризует переселенческое сообщество. Речь скорее может идти о разнообразных проявлениях «чужести». Мы можем говорить о практически полном слиянии в Сибири, и в Иркутске в частности, религиозной и светской общины в том смысле, что официальными представителями этноса и посредниками между местными властями и общиной выступали религиозные представители (в этом контексте важно вспомнить, что Иркутск был религиозной столицей огромного региона не только для православных, но и для иудеев, католиков, мусульман и лютеран).

Элита этнических общин была составной частью высших слоев местного общества. То же относится и ко многим профессиональным группам внутри колоний, открытых для контактов с представителями иных этносов. Фактор «чужести» работал как вне, так и внутри этнических общин. Так, чаще всего внутри иркутских этнических колоний противостояние разворачивалось по линиям «бедные – богатые», «старожилы – новоселы», «ассимиляторы – изоляционисты», по линии различных религиозных и семейно-клановых групп. В то же время извне этническая община воспринималась как цельность, как воплощение «инаковости».

Еще один уровень проявления «чужести» – горизонтальные противоречия, т.е. противоречия, возникавшие между различными этническими группами. Роль медиатора, третейского судьи, в этих конфликтах часто играли государственные чиновники, заинтересованные как в поддержании «чужести», так и в сохранении общественного спокойствия. Именно к государственным чиновникам обращались члены различных этнических групп в случае обострения общественной ситуации. При этом у чиновников всегда имелся удобный «козел отпущения» в виде чужаков и именно на них направлялось, если это было необходимо, общественное недовольство.

Наконец, все эти уровни напряженности своеобразно преломлялись в конкретных ситуациях и сферах деятельности. В этой связи весьма примечательным

выглядит письмо Иркутского биржевого комитета от 25.03.1914, направленное в отдел торговли Министерства торговли и промышленности. В письме представители 27 крупнейших иркутских фирм, из которых только 5 принадлежало предпринимателям-иудеям, решительно выступали за прекращение выселений иркутских евреев и предоставление им более широких прав жительства в пределах по крайней мере всей Восточной Сибири [4, л. 24].

Среди крупных торговцев последней трети XIX в. мы обнаруживаем немного представителей этнических меньшинств. Среди крупных предпринимателей-евреев, пробившихся в «короли рынков», выделялись Я.С. Домбровский и братья Лейбовичи. Несмотря на столь значительный успех первых иркутских предпринимателей-евреев, их состояние было все же меньше, чем у других представителей торговой элиты. Сказывалось неравенство стартовых позиций и периодически возникавшие проблемы с властями. Лишь во второй половине 1870-х гг. в Иркутске стало более заметным появление иногородних коммерсантов-евреев, получивших право повсеместного жительства в империи. В 1880 г. среди 1165 иркутских торговцев было 672 русских (57,7%), евреев – 282 (24,2%), католиков – 119 (10,2%), китайцев – 43 (3,7%), лютеран – 27 (2,3%), татар – 22 (1,9%) [5].

Тем не менее деятельность иноэтничных коммерсантов была более заметна на низших этажах торговой пирамиды. На этом уровне было достаточно много представителей этнических диаспор. С их деятельностью связана важнейшая экономическая функция: они являлись принципиальным связующим звеном между крупными оптовыми торговцами и мелкими розничными продавцами, играя самую активную роль в нормальной бесперебойной работе сложившейся в регионе экономической системы. Существовавшая в Сибири в это время экономическая модель в принципе не могла функционировать без подобного широко развитого основания, на которое опиралась вся хозяйственная пирамида. Горизонтальные связи, устанавливавшиеся между мелкими торговцами, получавшими от своей деятельности грошовую прибыль, образовывали своеобразную экономическую сеть, раскинувшуюся далеко за пределы города. Прочность сети во многом обеспечивалась за счет этнической солидарности, цементирующей связи между крупными и мелкими предпринимателями. Для представителей меньшинства этническая солидарность была одним из важнейших факторов выживания. Наблюдается прямая корреляция между расцветом малого и среднего бизнеса и развитой этнической солидарностью, которая приобретает вполне конкретное экономическое звучание, принося определенную прибыль и стабильность в деловые связи.

Сложный механизм поддержки и патронажа единоверцев существовал, например, в еврейской колонии

Восточной Сибири. Не последнюю роль в создании разветвленной сети предпринимателей-иудеев сыграла политика властей, стремившихся расселять их по всему региону, растворять евреев в массе «старожилов». Во многих сибирских деревнях, в том числе и самых глухих, оказались на причислении один-два еврея, занимающиеся преимущественно смешанной торговлей, оказывающие крестьянам разного рода финансовые услуги. Устанавливая связи между городом и деревней, евреи становились важными посредниками, чья деятельность была необходима и полезна для всего края.

Таким образом, механизм этнической торговли имел тот же вид, что и в обществе в целом. Это пирамида, в самом низу которой находятся сотни мелких сельских и городских торговцев, принадлежащих к разным сословным группам. Они перебиваются случайными заработками, торгуют «по маленькой», чаще всего не специализируясь в какой-то одной области («всего понемногу»). Численность этого слоя составляла приблизительно две трети всех торговцев. В случае удачи и успешных операций мелкие торговцы, а чаще всего их потомки, родившиеся в Сибири и имевшие принципиально иной правовой и социальный статус, могли перейти в средний слой. В основном это были мещане, крестьяне или купцы второй гильдии, часто торговавшие не только в городе, но и на ярмарках в крупных селениях. Представители этого этажа «пирамиды» вели собственные торговые операции или приобретали товар у крупных оптовиков, выступая в роли посредников. В зависимости от своих способностей, благосклонности властей и некоторой доли коммерческой удачи они могли как опуститься на нижний этаж пирамиды, так и подняться вверх. Однако последнее перемещение удавалось немногим.

К торговой элите принадлежали единицы. Для успешной деятельности в этой «весовой категории» нужен был и довольно значительный капитал, и возможность беспрепятственно перемещаться по стране, и прочные связи в властных структурах. Конкуренция здесь была весьма значительной. Правда, слабая заселенность края и торговое значение Иркутска позволяли каждому предприимчивому человеку найти свою экономическую нишу. Эту пирамиду существенно укрепляли как вертикальные, так и развитые в каждом слое горизонтальные связи, деловые и личностные. Важную цементирующую роль играла этническая солидарность и сплоченность, характерная для торговых меньшинств.

В конце XIX в. ситуация изменилась. Перемены в уже сложившуюся экономическую систему внесло строительство железной дороги. Ее открытия иркутяне ждали со смешанными чувствами. Обыватель накануне постройки магистрали находился в радостном возбуждении, связывая с ней большие надежды. В то же время многие наблюдатели видели и негативные

для города стороны этих изменений. В 1890 г. большой резонанс вызвал доклад, сделанный на заседании Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Автор сообщения, известный общественный деятель Б.П. Шостакович, в частности, показал, что с введением в строй железной дороги Иркутск потеряет свое значение как экономическая столица региона и главный торгово-распределительный центр [6, с. 223].

Действительно, влияние магистрали на край и его столицу было двойственным. С одной стороны, началось некоторое хозяйственное оживление региона, активнее пошел процесс колонизации, укрепились связи между Сибирью и Центром. Но в то же время экономическое значение Иркутска снизилось. Город потерял роль посредника между Центром, Забайкалем и Дальним Востоком, упал общий товарооборот промышленных и торговых предприятий. Видимо, «кризис», связанный с введением магистрали, можно назвать структурным. Дорога «взломала» устоявшиеся «патриархальные» экономические отношения, заставила предпринимателей искать новые пути хозяйственной деятельности. Правда, «спасительную» роль сыграли военные действия на Дальнем Востоке начала XX в. и вызванный этим массовый наплыв войск, активизация военных перевозок, многочисленные государственные заказы и т.д. Сюда же следует отнести и частые нарушения в работе магистрали, связанные в том числе и с революционной деятельностью. В этих условиях Иркутск вновь превращался в жизненно важный центр огромного региона.

Железная дорога изменила сложившуюся конфигурацию торговой пирамиды: значительно сократилась потребность в крупных оптовых посредниках и в больших складочных пунктах, какими были Томск и Иркутск, ускорился оборот капитала и товаров, потерял былое значение долгосрочный кредит. Теперь любой средний или даже мелкий торговец получил возможность непосредственно торговать с российскими коммерсантами в течение всего года. Торговля стала более мелкой и массовой, обходилась меньшим кредитом и меньшим оборотным капиталом.

В этих условиях многие из коммерсантов ликвидировали свои дела или даже обанкротились, не сумев приспособиться к новым условиям. Приоритет находился на стороне тех, кто действовал гибче, имел обширные связи как в регионе, так и за его пределами. Этнические торговые меньшинства активно пользовались вновь открывшимися возможностями. В целом можно говорить о том, что в период структурной экономической перестройки в крае, длившейся около десяти лет, влияние предпринимательских меньшинств в региональной экономике значительно возросло. В условиях экономических изменений меньшинства демонстрировали характерную для них высокую социальную мобильность и уникальную способность

к адаптации к общественным изменениям. Опыт предков, традиционная ориентация на коммерческую деятельность, «чуждость» и определенное (усиливающееся в кризисное время) отторжение обществом вынуждало членов меньшинств чутко реагировать на малейшие нюансы настроений властей, предвидеть их и готовиться к любому развитию событий. В результате они оказывались более гибкими, чем представители этнического большинства.

Высокая степень адаптации к новым условиям хозяйственной деятельности имела дополнительные источники, связанные с происходившими в обществе в целом социальными изменениями. Привилегии, ранее распространявшиеся на купечество, стали доступны и для представителей других сословий. Таким образом, для многих представителей этнического большинства необходимость и обязательность приписки к цензовому купечеству отпала сама собой. Но для выходцев из меньшинств, в первую очередь для иудеев, принадлежность к гильдиям по-прежнему оставалась одним из немногих способов правовой эмансипации.

Активно проявили себя в новых условиях коммерсанты-иудеи, доля которых среди иркутского купечества не только не снизилась, но, наоборот, значительно возросла. Малая включенность евреев в число крупных оптовиков, монополизировавших региональный рынок до постройки железной дороги, стала определенно стабилизирующим фактором. Именно торговая элита наиболее сильно пострадала от изменений, именно им пришлось радикально перестраивать свою деятельность, что требовало определенных усилий, средств и времени. В свою очередь, пострадали и представители низших этажей пирамиды, тесно связанные с предпринимательской элитой.

Как уже говорилось, от введения в строй железной дороги больше всех выиграли предприниматели средней руки. Уменьшение времени транспортировки товаров и снижение связанных с этим расходов, возможность опоры на менее крупный капитал, ослабление зависимости от крупных монополистов давало представителям этого слоя прекрасный шанс. Не случайно мы наблюдаем в этот период бурный рост второй купеческой гильдии. Еврейские предприниматели в основном занимали именно этот, средний, этаж пирамиды, что позволило им наименее болезненно пережить структурную перестройку экономики региона. Наконец, стабильности экономических позиций еврейской диаспоры существенно способствовали развитые горизонтальные связи, прежде всего – этническая солидарность, внутренняя монолитность колонии. Постоянные контакты с единоверцами в черте оседлости и в крупных городах Европейской России значительно помогли иркутским торговцам-евреям.

Пример активизации еврейского предпринимательства и в Иркутске, и в Сибири в целом, в конце XIX в. помогает увидеть общую тенденцию: в этот период, несмотря на все изменения, конфигурация торговой пирамиды и ее социальное «содержание» остались прежними. Изменилось количественное наполнение верхней и прежде всего средней ступени. Поменялись и экономические роли различных слоев: возросла экономическая активность среднего предпринимательства, снизился контроль над рынком со стороны крупных торговцев, переставших играть роль «первых скрипок», и соответственно, возросло общее число экономически активных представителей меньшинств, прежде всего – коренных сибиряков.

В заключение следует повторить, что настоящая статья должна рассматриваться как развернутая схема будущего масштабного исследования иркутского общества как переселенческого социума, основанного на сложном взаимодействии различных этноконфессиональных (в свою очередь, не монолитных) групп. Переселенческое общество как хозяйственный механизм – один из важнейших аспектов заявленной темы. Его изучение позволит не только лучше представить экономическое и социальное функционирование имперского города с многоэтничным населением, не только увидеть на этом фоне специфику сибирского «имперского города», но и создаст возможности для интересных компаративистских исследований поведения диаспор и переселенческих сообществ.

Библиографический список

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Иркутская губерния. – СПб., 1904.
2. Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. – Иркутск, 1915.
3. Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. – СПб., 1908.
4. Российский государственный исторический архив. – Ф. 23 (Министерство торговли и промышленности). – Оп. 11. – Д. 1285.
5. Государственный архив Иркутской области. – Ф. 70 (Иркутская городская дума). – Оп. 2. – Д. 868.
6. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. – Иркутск, 1993.